

И. Петрушевский

Фрина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Петрушевский**
Фрина / И. Петрушевский – М.: Книга по Требованию, 2015. – 158 с.

ISBN 978-5-517-83436-2

ISBN 978-5-517-83436-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

теперь, неожиданно, захотѣлось уйти подальше отъ этой толпы, пытавшейся обмануть себя и другихъ своимъ мимолетнымъ весельемъ.

Уйдя изъ залы и уже направляясь къ выходу, мнѣ пришлось пройти мимо кабинетовъ, обращенныхъ на этотъ день въ небольшія, уютныя, общія столовыя.

— «Смѣшно-же уѣзжать изъ маскарада, не побывъ и четверти часа», — мелькнуло у меня въ головѣ и, вмѣсто передней, я свернулъ въ одинъ изъ такихъ кабинетовъ.

Обтянутая темной матеріей, большая комната была почти пуста. Только за среднимъ, большимъ столомъ сидѣла компанія: черное, съ бѣлой лиліей на груди, домино — дама и три штатскихъ. Кромѣ нихъ никого не было и два-три столика еще были пусты. Въ углу у стѣны стояла статуя и бѣлый мраморъ окаменѣлаго тѣла богини рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ стѣны.

Я сѣлъ у маленькаго столика и назвалъ лакею обычную марку вина. Сидѣвшіе не обратили на меня никакого вниманія и продолжали свою бесѣду.

Разговоръ былъ громкій, говорили все больше кавалеры, маска-же. видимо живо интересуясь ихъ словами, только поворачивалась то къ одному, то къ другому, изрѣдка изящной ручкой поднося бокаль къ губамъ.

Тема показалась мнѣ интересной и я невольно сталъ вслушиваться. Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и мнѣ трудно въ точности припомнить

все слышанное, но происшедшее тогда такъ живо вспоминается мнѣ теперь, что я постараюсьвозможно точнѣе все передать.

— Красота! Развѣ есть красота то, что люди теперь называютъ этимъ словомъ? — Говорилъ сидѣвшій на-лѣво господинъ, по типу адвокатъ или солидный художникъ. Посмотрите въ залъ, посмотрите на эти разноцвѣтныя, висящія тряпки, посмотрите на эти потныя лица, на эти увядшіе цвѣты, на эту жалкую пародію на веселье, на этотъ праздникъ смѣха и радости, который въ большинствѣ случаевъ кончится или ужиномъ въ отдѣльномъ кабинетѣ и объятіями на грязномъ диванѣ и десятирублевой бумажкой! Нѣтъ, господа! Не здѣсь, въ маскарадѣ и даже не въ театрѣ съ его парусиновымъ небомъ и декораціями, не въ картинной галлерей съ ея бездушными тѣлами, вызывающими только неестественную страсть у гимназистовъ, нужно искать красоту, а въ природѣ, въ лазурномъ небѣ, въ цвѣтахъ, въ женщинѣ. И не въ одномъ только женскомъ смазливомъ личикѣ, а во всей женщинѣ! Женщинѣ-богинѣ, Венерѣ, Фринѣ! Вотъ гдѣ красота была, есть и будетъ! Небо задернется тучами, море потемнѣетъ, цвѣты увянутъ и отцвѣтутъ, а женщина—лучшее созданіе природы, будетъ всегда сіять и царить своей красотой и въ бурю, и въ грозу и при яркомъ солнцѣ. Но женщина не въ корсетѣ и модномъ платьѣ отъ Герзе и Пакэна, а женщина нагая — воскресшая греческая богиня! Древніе люди, не мы пигмен, это понимали. Ихъ театръ былъ среди природы, на чистомъ

воздухѣ, гдѣ декораціями служили не пыльные, рваныя тряпки, а живыя деревья и скалы!...

— А ихъ поэты и философы писали вещи, живущія десятки вѣковъ, гдѣ они воспѣвали царицу красоты—женщину такъ, какъ никогда ее не описать ни одному нашему писателю.

Художники - скульпторы творили и теперь творятъ красивыя статуи, изображая въ нихъ женщинъ, но почему-же, скажите, такая разница между твореніями древними и современными? Почему безрукую, часто изуродованную, статую древнюю такъ предпочитаютъ статуѣ новенькой, выполированной, современной?... Почему?... Почему онѣ считаются классическими, а современныя нѣтъ?... — Потому что древній артистъ, когда ваялъ ее, то не видѣлъ въ модели доступную женщину, которую въ любую минуту можно купить, какъ смотритъ художникъ современный на натурщицу, а видѣлъ только вѣ дивныя линіи, ея божественную прелесть... И овященный огонь не покидалъ его душу и водилъ его рѣзцомъ!.. Вотъ поэтому древнія гетеры и куртизанки были полноправными членами общества и самыя добродѣтельныя матроны никогда не подумали-бы устроить презрительную мину при встрѣчѣ съ ними, какъ теперь наши дамы, сами иногда далеко недобродѣтельныя, шарахаются и фыркаютъ, даже въ церкви, гдѣ передъ лицомъ Бога всѣ равны, когда рядомъ съ ними станетъ «такая женщина»..

— Однако, хорошо-же вы, Никита Александровичъ, характеризуете насъ — современныхъ ху-

дожниковъ! — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, молодой человѣкъ съ безпечнымъ веселымъ лицомъ.

— Вы здѣсь ни при чемъ! Вы — пейзажистъ и съ натурщицъ не пишете. — продолжалъ ораторъ. — Правда, тогдашнія гетеры далеко не были похожи на современныхъ, не даромъ даже до насъ черезъ столько вѣковъ, дошли имена: Аспазіи, Хризіи, Фрины и другихъ знаменитѣйшихъ жрицъ остроумія, любви и красоты . . .

— Культура, батенька, культура все измѣнила! — сказалъ господинъ съ просѣдью . . .

— Вы говорите—культура? . . . Да, культура, дѣйствительно, переодѣла насъ во фраки и смокинги, а женщинъ въ корсеты, вмѣсто туникъ. Но вѣдь культура насъ и извратила . . . Скажите, развѣ снились какому-нибудь римскому или греческому любителю женщинъ тѣ тонкости разврата и извращенія, какіе теперь сплошь и рядомъ продѣлываются «носителями культуры» и мечтателями о грядущей славѣ человѣчества . . . И чѣмъ культурнѣй люди, тѣмъ все это тоньше и гаже . . . Вотъ поэтому, господа, когда читаешь древнія сочиненія, смотришь на старыя картины или статуи, невольно чувствуешь красоту и какъ-бы становишься душой чище и выше, хотя тамъ и изображены «голыя бабы» . . . А сравните, господа, наши большіе обѣды и балы, гдѣ женщины показываютъ всѣмъ чуть не до пояса открытыя плечи и грудь, заставляя взвинченное воображеніе дорисовывать остальное, причѣмъ молодежь и старички стараются поглубже загля-

нуть за декольте и обмѣниваются скабрзными замѣчаніями. Гдѣ-же тутъ красота? . Не чище-ли было у древнихъ? На ихъ пирахъ въ античномъ жилищѣ, среди цвѣтовъ и яркихъ тканей, въ концѣ пира часто хозяйка-куртизанка и красивѣйшія гости представляли предъ восхищенными зрителями нагія и ни у кого ни на одну минуту не являлась скабрзная мысль при видѣ ихъ прекрасной наготы!

— Я расскажу вамъ, господа, одинъ случай изъ судебной практики, когда главнымъ мотивомъ для оправданія послужила исключительная красота подсудимой, Это было давно. Жившая задолго до Р. Х. прекраснѣйшая изъ женщинъ того времени Аѳинская гетера — Фрина однимъ изъ своихъ отвергнутыхъ поклонниковъ была обвинена въ атеизмѣ и въ неуваженіи боговъ. Преступленіе, по тѣмъ временамъ, серьезное. И вотъ прекрасная Фрина предстала предъ религіознымъ судомъ. Добровольнымъ ея защитникомъ былъ знаменитый риторъ Гиперидъ. Несмотря на краснорѣчіе тогдашняго Плевако, Фринѣ все-же грозило осужденіе. И вотъ Гиперидъ, оспаривая виновность прекрасной куртизанки, неожиданно сорвалъ съ нея одежды и предложилъ судьямъ взглянуть на ея красоту. Упали къ ногамъ Фрины ткани и предстала женщина — вѣнецъ красоты природы, сіяя неопикуемой красотой передъ восхищенными судьями. И самые строгіе изъ нихъ признали, что столь красивое существо должно быть почитаемо наравнѣ съ богами, какъ

живое олицетвореніе богини красоты. И прекрасная Фрина была оправдана. Слава о красотѣ ея тѣла такъ распространилась, что когда онаоднажды на праздникѣ въ честь Посейдона, при огромномъ стеченіи народа, сбросила одежды, распустила волосы и вошла въ море, праздникъ обратился въ сплошной триумфъ ея красоты, путь ея усыпался цвѣтами, а ея статуя была поставлена въ храмѣ рядомъ со статуей высокочтимой Афродиты, съ нея-же изваянной... Вотъ какъ чувствовали и цѣнили древніе женскую красоту!

— Но умерли древніе, а съ ними ушла ихъ красота и пониманіе ея... Намъ-же осталось только преданіе, да холодный мраморъ... Нѣтъ теперь чудесь! Не оживетъ холодный камень, не посмотрятъ глаза, не заколышутся упругія груди, не задрожитъ гибкій станъ!...

— Но я увѣренъ, господа, что въ душѣ каждаго человѣка еще теплится огонекъ настоящаго пониманія и чувства красоты! Неужели не блеснула бы въ сердцѣ каждаго искра при видѣ богини Праксителевой?... А если-бы свершилось чудо и одно изъ этихъ холодныхъ тѣлъ ожило и женщина предстала предъ всѣми въ своей ослѣпительной, классической наготѣ, я увѣренъ, что не только среди насъ, небольшой компаніи, но даже, среди всей огромной толпы, бушующей тамъ въ залѣ, едва-ли нашлось-бы десятокъ мужчинъ, у которыхъ явились-бы при видѣ ея грубые мысли, а не восторгъ и преклоненіе... Какъ устыдились-бы тогда женщины своихъ тряпокъ и изуродо-

ванныхъ корсетами тѣлъ, а мужчины протянули-бы въ восторгѣ къ богинѣ свои руки, умоляя не исчезать, чтобы дольше насладиться видѣніемъ красоты царицы жизни — натуральной женщины!

Господинъ очевидно увлекся своей рѣчью и говорилъ съ большимъ подъемомъ и воодушевленіемъ.

Всѣ слушали съ большимъ интересомъ, но больше всѣхъ казалась захваченной пылкимъ гимномъ женскому тѣлу единственная дама — маска. Все ея существо, казалось, волновалось и трепетало при каждомъ новомъ словѣ оратора. Ручка, подносявшая все чаще и чаще пѣнившійся бокаль ко рту, все больше и больше дрожала. Глаза, раньше вопросительно смотрѣвшія по сторонамъ, восторженно смотрѣли передъ собой, какъ-бы видя зрѣлище, отъ котораго она не можетъ оторваться и вся она тянулась навстрѣчу каждому красивому слову, вылетающему изъ устъ адвоката . . .

Да и остальные присутствующіе, а въ числѣ ихъ и я, такъ заслушались этой рѣчью, что не замѣтили, какъ вошелъ въ комнату и опустился за столикъ у двери еще одинъ господинъ въ зеленомъ домино .

Ораторъ кончилъ. Двѣ-три секунды длилась тишина. Всѣ сидѣли подъ впечатлѣніемъ слышаннаго, невольно мысленно перенесаясь въ страну Эллады и сѣдого Рима ко временамъ пышнаго расцвѣта античной культуры и искусства.

Маска встала и отошла въ уголь, гдѣ стояла мраморная статуя.

Первый нарушилъ молчаніе сѣдой господинь:,
— Вѣрно, Никита Александровичъ! Что женщина — языкъ боговъ! Не преклонится человѣкъ не станетъ рабомъ лазурнаго неба, красиваго вида моря, пышнаго букета цвѣтовъ, красивой сцены въ театрѣ, но передъ женскою красотою — царицею всея красоты, онъ склонится до земли и будетъ ея рабомъ во вѣк...

Вдругъ онъ какъ-бы поперхнулся, остановился на полусловѣ, устремивъ полный изумленія взоръ въ уголь, куда отошла маска. Мы всѣ невольно посмотрѣли туда и оцѣпенѣли отъ восторга и восхищенія. Холодная мраморная статуя ожила. Прекрасная круглая грудь заколыхалась. Нѣжный тонкій станъ ожилъ и изогнулся, слегка откинувшись назадъ... Чудной формы, какъ-бы изъ мрамора высѣченныя, бедра слегка дрожали, чувствуя на себѣ столько восхищенныхъ глазъ... Блѣдно-розовое, тонкое трико казалось настоящей кожей и каждая черточка и линія божественныхъ формъ рѣзко выдѣлялась на фонѣ чернаго шелка и только маска скрывала лицо ожившей богини...

Нѣсколько секундъ восторга и... руки богини на груди соединились, распахнутое домино закрылось, видѣнье исчезло и со стула спрыгнула женщина въ маскѣ...

Всѣ въ восторгѣ бросились къ ней, цѣловали ея ручки...

Я услышалъ пріятный, грудной_голосъ:

— Господа! Вы хотѣли, чтобы свершилось чудо! Хотѣли, чтобы мраморъ ожилъ и нашъ пиръ сталъ похожъ на пиръ древнихъ... Но теперь— прощайте! Дайте слово, что никто изъ васъ не пойдетъ за мной и не станетъ узнавать кто я!

Не помню кто, что говорилъ, я сидѣлъ, какъ зачарованный видѣнной картиной.

Помнится, я не очень—то повѣрилъ пылкой рѣчи адвоката, что древніе греки и римляне на своихъ пирахъ, «вегетеріански» смотрѣли на нагихъ женщинъ, но, дѣйствительно, въ ту минуту, при видѣ почти обнаженнаго, прекраснаго женскаго тѣла у меня не появилось ни малѣйшей скабрёзной мысли.

Дальше произошло нѣчто дикое и невѣроятное... Когда маска скорыми шагами направилась къ двери, одиноко сидѣвшій господинъ въ домино, вдругъ сорвался съ мѣста и, загородивъ ей дорогу, съ дикимъ крикомъ рванулъ съ нее платье...

Легкая ткань затрещала и къ ногамъ женщины, опустились, черными волнами, шелкъ и кружева ея легкой одежды.

Маска испуганно вскрикнула, отпрянула назадъ и, запутавшись въ шелку, едва не упала, руками-защищаясь отъ ожидаемаго удара и стыдливо прикрывая свою наготу...

Господинъ въ изступленіи, пытался сорвать съ женщины ея послѣдній покровъ — маску и бранныя, пошлыя слова посыпались на сошедшую съ пьедестала ожившую статую. Разорванное домино легло на полъ легкими, черными волнами, а среди

нихъ стояла только трепещущая женщина, униженная, оскорбленная, втопанная въ грязь чловѣческими словами, а не богиня гордая прелестью и торжествомъ своего тѣла надъ всемъ міромъ.

— Подлая, низкая тварь!... Развратница! Ты, всегда прикидывающаяся такой святошей, здѣсь, въ кабацѣ, стояла передъ всѣми голая на показъ! Ты хотѣла, чтобы тобой любовались «цѣнители красоты», такъ ступай-же и домой голая, пусть тобой полюбуются всѣ извозчики, они тоже понимаютъ въ этомъ толкъ!...

Трудно мнѣ теперь припомнить точно слова изступленнаго господина, да едва-ли это имѣетъ большое значеніе. Помню только, что всѣ мы какъ-то сразу пришли въ себя и бросились защищать нашу незнакомку. Тутъ уже на господина посыпались крики, угрозы и, кажется, болѣе основательныя воздѣйствія.

— Какъ вы смѣете!... Не забывайте!... Мы не позволимъ!... Полицію!... Негодяй, варваръ, хамъ!... кричали мы, кто во что гораздъ.

Произошла легкая общая свалка, въ результатѣ которой кому-то изъ защитниковъ поруганной красоты разбили на носу очки, а съ воинственнаго господина слетѣла маска и добрая половина domino. Въ двери заглядывали испуганныя маски и лакеи...

Однимъ словомъ, скандалъ произошелъ по всѣмъ правиламъ искусства: съ протоколомъ, съ вразумленіемъ со стороны помощника оберъ-полицией-мейстера представительнаго генерала, съ адресами